

Пол Хорвич

На что это похоже – быть дефляционной теорией значения?*

Важным свойством русского** слова «собака» является его значение, значение, отличное от значения слова «кошка», но то же самое, что у испанского слова «perro». Вообще говоря, существует ряд *свойств-значений* (*meaning properties*), которыми могут обладать слова и их сочетания, а некоторый данный язык частично определяется фиксированием того, какие из этих свойств-значений принадлежат каждому из выражений этого языка. Таким образом, русское слово «собака» обладает одним из этих свойств-значений (назовем его «значение **собака**»), которым также обладает и испанское слово «perro», тогда как русское слово «кошка» обладает свойством-значением **кошка**¹.

Философская проблема значения заключается в характеристике этих свойств – необходимо сказать, какого вида свойствами они являются. Являются ли они физическими, ментальными или абстрактными? Обладают ли они некоторой нередуцируемой семантической природой? Являются ли они нормативными, дескриптивными или и теми, и другими одновременно? Являются ли они индивидуальными или социальными, внутренними (*intrinsic*) или реляционными? Связывают ли они лингвистические выражения с некоторыми аспектами реальности, которые обозначаются этими выражениями? В какой мере их применение объективно и детерминировано? На эти и другие вопросы философы пытались и продолжают пытаться ответить.

Эта проблема рассматривалась одновременно и как чрезвычайно важная, и как чрезвычайно сложная. И в самом деле, она очень важна, так как эта проблема находится в центре философии языка, которая сам

* Horwich P. What Is It Like to Be a Deflationary Theory of Meaning? // *Philosophical Issues*, 5, 1994. Перевод выполнен Львом Ламберовым с любезного разрешения автора. – Примеч. пер.

** Там, где используются примеры вместо указания на английский язык в переводе стоит указание на русский. – Примеч. пер.

¹ Это оставляет возможность того, что будет неопределимо, означает или нет (например) определенное слово **собаку** (то есть, означает ли это слово то же, что и русское слово «собака»). В таком случае, однако, было бы тривиально определено, что «собака» означает собаку. Что было бы неопределенным так это тождество свойства, лежащего в основании (то есть, конституирующего) это свойство-значение.

занимает центральное место в философии. Поэтому существует лишь небольшое количество глубоких философских проблем, которые не касались бы тем или иным образом принимаемого нами объяснения лингвистического значения. Но то, является ли проблема значения настолько трудной, насколько это предполагалось, в настоящей статье будет поставлено под сомнение.

То, почему проблема значения *считалась* такой трудной, достаточно ясно. Предполагалось, что удовлетворительное решение этой проблемы – то есть, адекватное философское объяснение значения – должно было бы удовлетворять (или, по крайней мере, обеспечивать основание для подобного удовлетворения) широкий круг субстантивных ограничений, включая следующие:

- (1) *Реляционное ограничение (relational constraint)*: теория должна точно определить общую природу отношения между выражениями и их значениями; она должна дать некоторый анализ понятия «*x* означает *y*».
- (2) *Репрезентационное ограничение (representational constraint)*: теория должна объяснить, каким образом язык может репрезентировать реальность – как, благодаря своим значениям, сингулярные термы используются для того, чтобы указывать на объекты в мире, предикаты схватывают множества вещей, а предложения являются истинными или ложными.
- (3) *Композиционное ограничение (compositional constraint)*: теория значения должна объяснить, каким образом значения являются композиционными – почему получается так, что значения большинства комплексных предложений определяются значениями их частей.
- (4) *Нормативное ограничение (normativity constraint)*: она должна объяснить, каким образом значения имеют нормативные следствия – почему, например, учитывая то, что означает слово «собака», *должно* применять его к одной вещи, но не к другой.
- (5) *Ограничение употребления (use constraint)*: теория значения должна объяснить отношение между значением выражения и его употреблением – объяснить возможность выведения того, как понимаются слова, из того, как они употребляются.

Эти пять ограничений адекватной теории значения рассматривались как настолько сложные, даже если они и брались по одному, что возможность нахождения такого объяснения, которое удовлетворяло бы все их сразу, казалась весьма далекой. Однако я хочу предположить, что ситуация в действительности не настолько безрадостна. Потому что я убежден, что ни одно из этих ограничений, при условии, что оно только правильно понято, не составляет серьезных проблем. Проблема же, я собираюсь это доказать, состоит в том, что каждое из них было неправильно истолковано и неверно рассматривалось, как предполагающее некоторые дальнейшие условия адекватности, которые и в самом деле сложно (а может быть и невозможно) удовлетворить. Тем не менее, понятые так, как они должны быть поняты, эти пять изначальных ограничений легко удовлетворяются. Я буду рассматривать их по одному.

1. Реляционность

На первый взгляд приписывания значений, такие как «*w* означает **собака**» и «*x* означает **снег бел**», реляционны: кажется, что они сообщают, что отношение «*x* означает *y*» устанавливается между лингвистическим выражением, *x*, и некоторой другой сущностью, *y* (например, **собака** или **снег бел**), относящейся к другому типу, к значениям. Следовательно, как представляется, возникают два вопроса. Какова природа этих сущностей, этих значений? И какова природа отношения «значения», в котором выражения состоят к значениям-сущностям?

Тем не менее, мы должны быть осторожны, мы не должны прийти к преждевременным заключениям из-за внешней грамматической формы предикатов, таких как «*x* означает **собака**»; реляционный внешний вид последнего вполне может быть обманчивым. Так как, вспомним, что эта терминология, «*x* означает **собака**», нацелена на то, чтобы выразить всякое свойство-значение, которым обладает слово «собака», не предполагая *чего-либо* о подлежащей природе этого свойства. В частности, даже если в силу обладания некоторым *монадическим* свойством, *R_x*, слово «собака» означает нечто, это значение, однако, выражалось бы предикатом «*x* означает **собака**». Следовательно, необходим некоторый аргумент – что-то большее, чем простое указание на грамматическую структуру – чтобы поддержать заключение, что «*x* означает **собака**» выражает реляционное свойство – свойство, относительно которого имеет смысл проводить исследование, во-первых, природы отношения «значения» и, во-вторых, природы подразумеваемой вещи, например, **собака**.

Один вид аргумента в пользу этого заключения мог бы основываться на чисто логических данных. Мы предрасположены выводить

x означает что-то

из

x означает **собака**

и выводить

x и *y* означают одну и ту же вещь

из

x означает **собака**, и *y* означает **собака**.

А такие выводы мы получаем, трактуя понятие «означает» как отношение.

Но теперь мы столкнулись с *prima facie* трудностью. Как можем мы рассудить эти логические интуиции – которые предполагают, что «*x* означает **собака**» выражает отношение – в то время, как мы вполне уверены в том, что свойство-значение слова «собака» – для выражения которого мы ввели терминологию «*x* означает **собака**» – может, как мы знаем, быть нереляционным. Решение этой проблемы состоит в том, чтобы предположить, что значения (такие как **собака** и **снег бел**) являются *свойствами* выражений, которые обладают этими значениями, и что отношение «*x* означает *y*» – ничто иное как подобие «*x* экзemplифицирует *y*», «*x* обладает *y*» или «*x* содержит *y*», объекты которых являются носителями своих свойств. Так мы можем разрешить эту трудность. Потому что, строго говоря, «*x* означает **собака**» будет выражать отношение – которое формализуется как «*x* означает *y*» – и, таким образом, мы объясним его логические свойства. Тем не менее, то, что оно выражает, является отношением экзemplификации значения-свойства слова «собака», и нет ничего, что заставило бы нас отрицать возможность того, что это свойство (а именно «**собака**») является монадическим. Таким образом, изначальная пара наших вопросов – о природе значений-*сущностей* и о природе значения-*отношения* – сводятся к одному. Ответ на второй заключается в том, что «означает» означает «обладает». А это предполагает частичный ответ на первый

вопрос: а именно, что значения являются свойствами. Остается лишь одна сложная проблема: а именно вопрос о том, какова природа *свойств-значений*, которыми обладают лингвистические выражения?

Это объяснение выражения «означает» поддерживается также весьма тонким различием параллельных случаев. Не будет противоестественным предположить, что логическая форма выражения «Значение *w* есть **собака**» или «*w* обладает значением, **собака**» схожа с логической формой выражений «Цвет неба – голубой» или «Небо имеет цвет, голубой». Если это так, то терм «**собака**» именуется отдельное свойство-значение (также как «голубой» именуется свойство-цвет), и в каждом случае предложение определяет это свойство в качестве особого члена обозначенного свойства-типа, которое принадлежит данному объекту.

Для исследования еще более близкой параллели, рассмотрим приписывание веса (weight), такое как «Том весит 100 килограмм». Последнее предполагает две проблемы: какого вида сущностью являются 100 килограмм и чем является это отношение «веса», в котором Том находится к этой сущности? Тем не менее, как и в случае значения, вторая проблема относительно тривиальна. Существует ряд свойств-веса, которыми вещи могут обладать, и сказать, что Том весит 100 килограмм, означает сказать лишь, что он обладает одним из них².

² Может утверждаться против того, что я говорю, что можно понимать предикат «*x* означает **собака**» не, как я предлагаю, как выражающее отношение экземплификации между словом, *x*, и свойством-значением, которым обладает слово «собака». Скорее же можно истолковывать «**собака**» как указывающее на свойство быть собакой (то есть, собачность), и можно использовать предикат целиком, чтобы сказать, что *x* выражает (то есть, означает) это свойство. Другими словами, «*x* означает **собака**» может быть истолковано как «*x* выражает свойство собачности». И если это верно, то свойства-значения действительно являются реляционными. В случае предикатов они заключаются в отношении выражения между словами и обычными свойствами.

Тем не менее, мне кажется, что свойства-значения не должны так анализироваться – хотя я согласен, что они *подразумевают* существование таких отношений. Так как, в-первых, потребовалось бы некоторое объяснение свойств; но трудно представить, какие условия тождества свойств могут быть даны, чтобы они отличались от

$$F\text{-ность} = G\text{-ность} \leftrightarrow \langle F \rangle \text{ означает то же, что и } \langle G \rangle$$

(или что-то другое, предполагающее понятие значения). И, во-вторых, приписывания значений выражениям, отличным от предикатов (то есть, «*x* означает **и**»), потребовало бы совершенно другой интерпретации. Поэтому предпочтительным мне кажется объяснять концепты свойства и экземплификации в терминах значения через схему

$$Fu \leftrightarrow u \text{ экземплифицирует свойство } F\text{-ности.}$$

$$\text{Свойство } F\text{-ности} = \text{свойство } G\text{-ности} \leftrightarrow \mathbf{F} = \mathbf{G}.$$

Несмотря на то, принимается этот момент или нет – а я полагаю, что он должен приниматься, – очень часто предполагается, что приписывания значения обладают *дальнейшим* (или, по меньшей мере, каким-то *отличным*) видом реляционного признака, не репрезентируемым выражением «*x* означает *y*». Сосредоточимся, прежде всего, на случае предложений, идея заключается в том, что этот другой реляционный признак репрезентируется схемой «*s* означает, что *p*» (или «*s* означает **p**»). Таким образом, реляционное выражение, которое требует своего анализа, не «означает», но скорее «означает, что» (или «означает **X**»); а термы на правой стороне этого выражения не являются именами значений (такими как «что снег бел» или «**снег бел**»), но скорее предложениями (такими как «снег бел»). В отличие от «*s* означает *y*», которое выражает подлинное *отношение* между выражением, *s*, и значением, *y*, (отношение экземплификации, как мы уже видели), «*s* означает, что *p*» не выражает, строго говоря, отношения между *s* и *p*, потому что нет такой вещи как *p* – предложения, которые замещают «*p*» не осуществляют референцию. Поэтому должно говорить о выражении «*s* означает, что *p*» как об артикулирующем «реляционный признак» или «реляционную структуру», но не как о выражающем отношении. Таким образом, проблема значения становится проблемой предложения некоторого общего анализа этого реляционного признака – некоторого анализа формы

$$s \text{ означает, что } p \leftrightarrow D(x, p),$$

где «*D*» будет включать лишь относительно непроблематичные (то есть, неинтенциональные) понятия. Это общая концепция данной проблемы – концепция реляционного ограничения – которую я собираюсь подвергнуть сомнению.

Заметим, кстати, что можно объединить два реляционных тезиса и говорить, что утверждение о значении предложения обладает видом «двойной реляционности». Так как оно предполагает, что данное предложение находится в отношении экземплификации свойства-значения, которое само имеет только что обозначенный реляционный характер. Однако не нужно соглашаться с анализом приписывания

$F = G \leftrightarrow \langle F \rangle$ означает то же, что и «*G*».

И затем определять «выражение» по схеме

«*F*» выражает свойство *F*-ности.

значения в выражении « x означает y », чтобы полагать, что фундаментальная проблема заключается в анализировании реляционного признака, выраженного в « x означает y ».

С этой точки зрения, и выходя за пределы предложений, вполне естественно предположить, что приписывание значения *любому* типу выражения обладает представленным реляционным признаком не благодаря « x означает y », но скорее благодаря « x означает $*$ » (где « $*$ » – это схематическая переменная, заменяемая любым выражением русского языка). Ожидается, что кто-нибудь сможет дать формулировку некоторого общего анализа этого реляционного признака – анализа, имеющего форму

$$x \text{ означает } * \leftrightarrow S(x, *),$$

где « $S(x, *)$ » – «схема отношения» (которая может варьироваться в зависимости от грамматической категории – то есть: предложение, предикат, имя и т. д. – к которой принадлежит выражение, замещающее « $*$ », и которое вообще не является, по сути говоря, отношением, так как выражение, замещающее « $*$ », вообще не является указывающим термом (referring term)).

Я буду называть это *строгим* реляционным ограничением теорий значения. До того, как я начну разворачивать его критику, я хочу обратить внимание на тот факт, что оно удовлетворяется почти всякой теорией, которая когда-либо серьезно принималась³. Заметный пример – «условие-истинностная» теория Дэвидсона, в которой

Предикат w означает **F**

анализируется как

$$A(x)(w \text{ истинно относительно } x \leftrightarrow Fx)$$

(где « A » – это некоторый вид модального оператора, введенного для того, чтобы работать с несинонимичными и коэкстенциональными предикатами, и где «истинно» понимается как выражающее примитивное, натуралистическое, объяснительно активное свойство), а

³ См.: Davidson D. Truth and Interpretation. – Oxford: Clarendon Press, 1984; Dretske F. I. Knowledge and the Flow of Information. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981; Stampe D. W. Towards a Casual Theory of Linguistic Representation // Midwest Studies in Philosophy, Vol. 2; Fodor J. Psychosemantics. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987; Papineau D. Reality and Representation. – Oxford: Blackwell, 1987.

Предложение s означает, что p ,
анализируется как

$$A(s \text{ истинно} \leftrightarrow p).$$

Другие примеры – корреляционные теории Стампе, Дретске и Фодора, согласно которым

Предикат w означает **F**
анализируется, грубо говоря, как

Отдельные примеры (instances) F -ности служат причиной (при соответствующих условиях) высказывания w .

Также с этим ограничением связаны телеологические теории Миликан и Папенау, в которых

Предложение s означает, что p ,
разворачивается, грубо говоря, как

Эволюционная функция s заключается в том, что в s убеждены тогда и только тогда, когда p .

Таким образом, вполне естественно предполагать, что адекватное объяснение значения должно удовлетворять принципу Строгой Реляционности.

Но каково основание навязывания такого ограничения? Можно принимать следующее рассуждение. Предложение « w означает **собака**» составлено из выражений « w », «собака» и « x означает $*$ ». Таким образом, существует понятие, выражаемое при помощи « x означает $*$ ». Следовательно, обосновано предполагать некоторый анализ этого понятия; и он должен иметь ту же форму, то есть « $S(x,*)$ ».

Но как только это рассуждение рассматривается более глубоко, сразу становится очевидно, что оно не так хорошо, как это кажется. Разделение комплексных выражений на значимые части не случайно. Мы никогда не предположили бы, например, что естественными конституентами предложения «Джон произнес слово ‘собака’» являются «Джон», «собака» и « x произнес слово ‘*’»; так как « x произнес слово

‘*’» (в отличие от «x произнес у»), очевидно, не выражает понятие, из которого составлено значение целого предложения, и мы не предполагаем какой-либо анализ этого предложения. Сходным образом не должно приниматься на веру, что «x означает *» (как противоположное «x означает у») является конститuentой выражения «s означает **собака**», которая может быть проанализирована.

Это заключение усиливается и тем моментом, который я уже подчеркнул: что в утверждении

w обладает свойством-значением, которым обладает слово «собака»

совершенно нет указания на то, что свойство-значение, разделяемое w и словом «собака», обладает каким-либо видом реляционного признака. Оно просто сообщает нам, что какое бы значение ни принадлежало слову «собака», оно также принадлежит и w. Но утверждение

x означает **собака**

приписывает именно w это свойство. Единственное отличие заключается в том, что теперь мы *назвали* свойство-значение, которое в предыдущем утверждении было точно описано. Но у нас нет большего основания, чем раньше, предполагать, что это свойство обладает каким-либо реляционным признаком. Таким образом, факт, что приписывания значения выражают структуру, «x означает *», полностью объясним на основании допущения, что они приписывают нереляционные свойства и что «x означает *» не выражает естественную конститuentу, которую можно подвергнуть анализу⁴.

Сходным образом предположим, что мы должны были ввести терм «#собака#» для обозначения свойства-звука всего того, что

⁴ Это, конечно, не предполагает, что

x означает **собака**

означает

x обладает тем же значением, что и слово «собака».

Так как тот факт, что слово «собака» обладает тем значением, которым оно обладает, не просто является тривиальным фактом о том, что слово «собака» означает слово «собака». Скорее же существуют свойства-значения, разделение которых обеспечивает *основание* для отношения синонимии; и они являются тем, что мы именуем при помощи таких выражений как «означает **собака**».

рифмуется со словом «собака», и «#кошка#» для свойства-звука тех вещей, которые рифмуются со словом «кошка» и т. д. Далее, мы можем сказать

«кусака» звучит #собака#.

Но мы не предполагали бы, что это должно анализироваться в терминах реляционной схемы

x звучит #*#.

Скорее мы объяснили бы, что «#собака#» является именем свойства определенных шумов – тех, что рифмуются со словом «собака»; поэтому данное предложение истинно, если и только если «кусака» и «собака» обладают каким-либо свойством, каким бы оно ни являлось – совершенно возможно, что нереляционным – которое обуславливает то, что они рифмуются друг с другом.

Итак, далее, мы, в самом деле, можем использовать « x означает $*$ » для выражения отношения между x и $*$ – между выражением и значением; но это отношение является лишь *экземплификацией*; реляционное ограничение очень просто удовлетворяется. Ошибочно, тем не менее, прочитывать в грамматической структуре приписываний значения, что одна из ее конституент соединяет имя термина с самим этим термом; или, более точно, существуют какие-либо стоящие объяснения формы

x означает $*$ $\leftrightarrow S(x, *)$.

Таким образом, строгое реляционное ограничение не обусловлено факторами грамматической формы. В следующем параграфе мы увидим, может ли необходимость объяснить *репрезентацию* обеспечить этому положению альтернативное основание.

2. Репрезентация

Язык обычно используется для того, чтобы репрезентировать компоненты реальности. Имена могут указывать на отдельные вещи, предикаты выражают свойства, экземплифицируемые одними вещами, но не другими, предложения иногда описывают факты – и все это происходит из-за значений указанных выражений. Таким образом, удовлетворительное объяснение свойств-значений должно включать в

себя объяснение того, как происходит, что некоторое выражение, в силу обладания какого-либо определенного свойства-значения, обозначает этот или тот аспект мира.

Все это обосновано и неоспоримо. Тем не менее, я убежден, что раньше преобладала тенденция трансформировать это условие адекватности в некоторую версию строгого реляционного ограничения: а именно, что свойства-значения выражений должны быть, вообще говоря, *отношениями* между этими выражениями и теми аспектами реальности, которые они репрезентируют.

Рассмотрим, например, некоторое слово, которое означает **собака**. Его значение определяет его объем – то есть,

x означает **собака** $\rightarrow x$ истинно относительно всех и только всех собак.

Более того, *быть истинным относительно* является экстенциональным отношением. Поэтому, учитывая по большей части натуралистические симпатии, мы склонны предполагать, что должны быть некоторые натуралистические способы анализирования отношения «*быть истинным относительно*» – некоторое объяснение формы

x истинно относительно всех и только всех $F \leftrightarrow x$ находится в отношении R ко всем и только всем F ,

где R – натуралистическое (каузальное) отношение. Следовательно, мы склонны предполагать, что верное объяснение выражения «значение **собака**» должно принять форму

x означает **собака** $\leftrightarrow (x$ находится в отношении R ко всем и только всем собакам, и...).

Так как, кажется, это необходимо для того, чтобы объяснить то, каким образом значение предиката определяет его объем.

Более того, обобщая от предикатов к другим выражениям, репрезентативная сила значения предполагает, что мы должны обнаружить «реляционные» схематические теории формы

x означает $\underline{*} \leftrightarrow S(x, *)$,

где « $*$ » может быть заменено выражениями русского языка, а « $S(x, *)$ » является схемой, которая может варьироваться от одной синтаксической

категории к другой. Репрезентативное ограничение понимается теперь таким образом, что оно, как кажется, предполагает указанный вид строгого реляционного ограничения. Так как, если только значения являются естественными отношениями, направленными к тому, что обозначено, мы можем понять, как отношение между словом и его референтом гарантируется его значением. И, как мы видели, существуют многочисленные теории значения, которые разработаны для того, чтобы объяснить это соответствующим образом.

Тем не менее, вся эта аргументация включает допущение, которое само не доказано и, более того, весьма сомнительно: а именно, что экстенциональные, семантические свойства – истина, референция и выполнимость – *могут быть проанализированы* в натуралистических терминах. Другими словами, предполагается, что существуют редукции формы

$$x \text{ истинно} \leftrightarrow Tx,$$

$$x \text{ истинно относительно } y \leftrightarrow xSy,$$

$$x \text{ указывает на } y \leftrightarrow xRy,$$

где T , S и R – унифицированные, натуралистические (каузальные) свойства того или иного вида; но это допущение никоим образом не является очевидно верным. Наоборот, может быть доказано (также и с натуралистической точки зрения), что наша склонность предполагать, что истинностный предикат выражает субстантивное свойство с некоторой унифицированной, подлежащей природой, является продуктом лингвистической иллюзии; что реальная функция истинностного предиката в нашем языке – обеспечить средство семантического восхождения и, таким образом, механизм посредством которого могут быть сформулированы определенные обобщения; и что не нужна какая-либо большая теория истины, чем тривиальная схема раскавычивания

$$\langle p \rangle \text{ (некий способ говорить о } \langle p \rangle \text{)} \text{ истинно} \leftrightarrow p$$

или

$$x \text{ означает, что } p \leftrightarrow (x \text{ истинно} \leftrightarrow p),$$

чтобы объяснять эту функцию⁵. Эта схема сообщает нам, что каким бы свойством ни было бы «значение **снег бел**», любое предложение, которое обладает им, должно оцениваться как «истинное», если и только если снег бел; и каким бы свойством ни было бы «значение **собаки лают**», любое предложение, которое обладает этим свойством, должно оцениваться как «истинное», если и только если собаки лают; и так далее. Грубо говоря, это означает утверждать, что

x истинно \leftrightarrow $(x$ означает p_1 и $p_1)$ или
 $(x$ означает p_2 и $p_2)$ или
 $(x$ означает p_3 и $p_3)$ или
 ...и так далее

Таким образом, истина характеризуется (в терминах значения) натуралистически приемлемым способом не будучи редуцирована к какому-либо унифицированному, натуралистическому свойству.

Также могут быть доказаны параллельные вещи относительно референции и выполнимости: например, что понятие «быть истинным относительно» полностью схватывается принятием подстановочных случаев схемы

x означает $F \rightarrow (y)(x$ истинно относительно $y \leftrightarrow Fy)$,

а понятие референции определяется при помощи

x означает $N \rightarrow (y)(x$ указывает на $y \leftrightarrow y = N)$.

Если этот *дефляционный* подход верен, то репрезентативная сила языка не предполагает, что свойства-значения являются реляционными. Так как если у нас нет основания полагать, что

w истинно относительно всех и только всех собак

⁵ Более детальную и точную характеристику и защиту дефляционной позиции, как я ее вижу, смотри мою книгу *Truth*, Oxford, Blackwell, 1990 и статью «What is Deflationism?». Другие версии этой точки зрения смотри в Quine W. V. *Pursuit of Truth*, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1990, Chapter V; Leeds S. *Theories of Reference and Truth* // *Erkenntnis*, vol. 13, 1978; и Field H. *The Deflationary Conception of Truth* // *Fact, Science and Morality*, ed. by MacDonald G. and Wright C., Oxford, Blackwell, 1986.

выражает унифицированное, натуралистическое отношение между w и собаками, то тот факт, что

w означает **собака** $\rightarrow w$ истинно относительно собак

не предполагает, что свойство-значение обладает реляционным характером.

Однако этот кондиционал, который частично определяет понятие «истинно относительно», дает тривиальное объяснение репрезентативного характера w . Не имеет значения, какого вида свойством окажется свойство «означает **собака**». Предположим, оно конституируется монадическим, внутренним, несемантическим свойством (например, Px). Если так, то объяснение того, почему слово, обладающее этим свойством, истинно относительно собак, просто было бы таково, что (1) любое слово со свойством Px является словом, которое означает **собака**, и (2), по определению понятия «истинно относительно», любое слово, которое означает **собака**, оценивается как *истинно относительно* собак.

Следовательно, мы можем заключить, что с точки зрения дефляционизма, репрезентативный характер языка не дает основания полагать, что свойства-значения должны обладать реляционной формой. В самом деле, дефляционизм не накладывает на значения каких-либо ограничений⁶.

⁶ Позвольте подчеркнуть, что я не пытался *опровергнуть* тезис, что значение является реляционным, но просто подорвать причины, которые, как я полагаю, могут использоваться для того, чтобы настаивать, что значение должно быть реляционным. В этой связи мы должны проводить различие между ядром дефляционизма – которое является тезисом о том, что значение и функция «истины» полностью объясняется раскавыченной схемой – и полнокровной дефляционистской позицией, которая содержит дальнейшее утверждение, что не существует унифицированного натуралистического анализа истины – что у истины нет подлежащей природы.

С точки зрения полнокровного дефляционизма, реляционные теории значения не просто *неоправданны*, но *устранены*. Так если бы имело место, что

x означает $*$ $\leftrightarrow S(x, *)$,

то, учитывая (обобщая дефляционную схему), что

x означает $*$ \rightarrow семантическое значение (semantic value) x есть $*$,

мы могли бы вывести, что

$S(x, *) \rightarrow$ семантическое значение x есть $*$,

3. Композиционность

Значения комплексных выражений обычно определяются значениями их частей. Ибо, как подчеркнул Дэвидсон, как еще мы должны объяснить приемлемым образом, что говорящие приписывают значения таким различным выражениям (включая и те, с которыми они раньше не встречались), если мы не рассматриваем эту способность как следствие приписывания значений (относительно немногим) базисным термам языка⁷. Поэтому значения обычно композиционны по своему характеру. Раньше предполагалось, что этот факт жестко ограничивает то, какого вида вещами могут быть свойства-значения. Так, Дэвидсон считает сильной стороной своего «условие-истинностного» анализа, что при помощи этого анализа можно объяснить композиционность, так как сам Дэвидсон не может представить себе другой способ объяснения этой особенности языка.

Композиционное ограничение может быть сформулировано следующим образом:

что является натуралистическим фактом о семантическом значении, чье объяснение потребовало бы натуралистической редукции этого отношения. А это несовместимо с полнокровным дефляционистским взглядом, что таких вещей не существует. Рассмотрим, например, следующее объяснение значения предложения (sentence meaning):

x означает, что $p \leftrightarrow (x \text{ может идеально утверждаться} \leftrightarrow p)$.

Учитывая, что

x означает, что $p \leftrightarrow (x \text{ истинно} \leftrightarrow p)$,

мы можем вывести

$x \text{ истинно} \leftrightarrow x \text{ может идеально утверждаться}$,

что является субстантивной теорией об истине. Таким образом, полнокровный дефляционизм на самом деле устраняет реляционизм относительно значения. Отметим, однако, что этот факт не может использоваться для того, чтобы вывести, что реляционизм ложен; так как у нас есть право верить в полнокровный дефляционизм, только если мы уже (в числе других вещей) показали, что значение не реляционно.

Тем не менее, мы можем аргументировать в пользу ядра дефляционизма, не предполагая что-либо о значении. (Так как мы можем продемонстрировать полезность истинностного предиката в составлении определенных обобщений, и мы можем показать, что все наши употребления его являются подстановочными случаями этой роли.) Поэтому мы имеем право доказывать, на основе ядра дефляционизма, что Репрезентативное Ограничение теорий значения не должно трактоваться как предполагающее, что значение реляционно.

⁷ См.: Davidson D. Truth and Interpretation. – Oxford: Clarendon Press, 1984.

Адекватная теория значения должна дать нам возможность увидеть то, каким образом значения комплексных выражений могут определяться значениями их частей.

Достаточно ясно. Но мы можем удивиться, насколько это действительно сложно – удовлетворить это ограничение. Существует ли множество (или вообще хоть сколько-нибудь) правдоподобных теорий значения, которые были признаны неверными из-за того, что не смогли удовлетворить это ограничение?

Следует признать, что композиционное ограничение не является совершенно пустым. Теории значения, которые обычно выдвигаются, принимают форму

Для всех выражений e (определенного синтаксического типа), свойство-значение e есть свойство e , обладающее характеристикой F .

Так, F может быть «быть условием истинности e », «быть условием утверждаемости e », «быть употреблением e » и так далее. И для всякой подобной теории возможность конфликта с композиционностью, очевидно, остается открытой. Существуют многие подстановочные случаи F , для которых мы легко сможем найти комплексное выражение c , которое получается путем применения некоторой синтаксической операции s к конstituентам j и k , такое, что значениями этих четырех предметов являются (соответственно) M_1 , M_2 , M_3 и M_4 , и такое, что факт, что

$$M_2(s) \ \& \ M_3(j) \ \& \ M_4(k)$$

не влечет за собой, что

$$M_1(c).$$

Имеется хорошо известный пример, рассмотрим теорию значения, согласно которой значение предложения является множеством эвиденциальных (evidential) условий, так что каждое из этих условий обеспечивает предложение высокой вероятностью бытия истинным. Это объяснение противоречит композиционности, так как условия, которые придают конъюнкции предложений высокую вероятность, не определяются теми условиями, которые придают ее конъюнктам высокую вероятность.

Поэтому-то, композиционное ограничение представляет собой действительную преграду. Однако я хочу выдвинуть положение, что это условие ни коим образом не является сложным, как это обычно предполагалось. Чтобы увидеть это, отметим, что оно будет удовлетворено любой теорией значения, которая имеет следующую трехступенчатую форму. Теория, во-первых, описывает синтаксические структуры языка: она определяет примитивные термы и базисные операции, при помощи которых составляются выражения, и она показывает то, как каждое выражение языка может быть составлено из этих элементов. Во-вторых, теория характеризует свойства-значения примитивных элементов. Она может говорить, например, что

«Фидо» означает **Фидо** в силу факта, что $P_1(\text{«Фидо»})$,

«лает» означает **лает** в силу факта, что $P_2(\text{«лает»})$,

«#(x)» означает то, что оно означает, в силу факта, что $P_3(\text{«#(x)»})$.

В-третьих, для каждого комплексного выражения, теория сообщает нам, что тот факт, что выражение означает то, что оно означает, обусловлен (is constituted by) тем фактом, что это предложение составлено при помощи применения определенным образом определенных синтаксических операций к примитивным термам, вместе с фактами относительно включенных в этот процесс значений слов и синтаксических операций. Она сообщает нам, например, что

«Фидо лает» означает **Фидо лает** в силу факта, что «Фидо лает» получается путем применения синтаксической операции «#(x)» к последовательности слов «лает» и «Фидо», вместе с тем фактом, что значения этих элементов являются такими-то и такими-то.

И, учитывая то, что уже было сказано относительно значений примитивов, последнее предполагает, что

«Фидо лает» означает **Фидо лает** в силу факта, что оно получается путем применения операции «#(x)» к последовательности слов «лает» и «Фидо», вместе с тем фактом, что $P_1(\text{«Фидо»})$, $P_2(\text{«лает»})$ и $P_3(\text{«#(x)»})$.

Таким образом, свойство-значение **Фидо лает**, которым может обладать некоторое выражение x в языке, состоит в том, что

x получается путем применения синтаксической операции, чье свойство-значение – P_3 , к последовательности слов, чьи свойства-значения – P_1 и P_2 .

Теории этого типа не предполагают *унифицированного* условия для бытия свойством-значением некоторого выражения – условия F , которое предназначено для различения свойства-значения *любого* выражения, безразлично того, комплексное оно или примитивное. Говоря более обще, они не дают способа различения, независимо от композиционных факторов, какое свойство каждого выражения является его значением, в известном смысле тут возникает субстантивный вопрос, удовлетворяется ли требование композиционности. Наоборот, эти теории *составляют* (*compose*) из фактов, лежащих в основании значений примитивов, факты, лежащие в основании свойств-значений комплексных выражений. Таким образом, ограничение композиционности автоматически удовлетворяется.

Отметим, что вообще ничего не предполагалось относительно природы свойств-значений *примитивных* термов и операций. Таким образом, ограничение композиционности оставляет абсолютно открытым вопрос о метафизическом характере свойств-значений – являются ли они физическими, ментальными, абстрактными, нередуцируемо семантическими, монадическими, реляционными, социальными, дескриптивными, нормативными или же какими-то еще. Аналогичным образом, даже в метафизической перспективе, композиционность не вынуждает нас ассоциировать *конкретные* свойства со значениями примитивов.

Поэтому Дэвидсон и его последователи совершенно ошибаются в своем предположении, что композиционность дает непреодолимое основание для принятия условие-истинностного объяснения значения. Рассмотрим – альтернативно условие-истинностной теории значения – точку зрения, что значение слова является некоторым фактом о его *употреблении*. Предположим, что

Значение слова «Сократ» = U_1 ,

где U_1 – отдельное свойство-употребление (use property) слова «Сократ»; и предположим сходным образом

Значение слова «мудрый» = U_2 ,

Значение операции « x есть $*$ » = U_3 .

Далее, композиционность будет удовлетворена в то время, когда факт, который мы ассоциируем со значением выражения «Сократ мудр», следует из факта, что

U_1 («Сократ») & U_2 («мудр») & U_3 (« x есть #») & «Сократ мудр» сформировано при помощи подстановки слова «Сократ» вместо « x » и слова «мудрый» вместо «#» в структуре « x есть #».

И это следование обеспечено *отождествлением* этих фактов. С этой точки зрения, для значения предложения «Сократ мудр» важно лишь то, что мы употребляем в нем слова «Сократ» и «мудрый», а также операцию предикации таким способом, который является конститутивными для значения этих выражений, а также распознавая того, каким образом указанное предложение построено из этих элементов⁸.

4. Нормативность

Из того факта, что некоторое выражение обладает определенным значением, вытекают определенные нормативные следствия. Например, учитывая то, что означает слово «собака», было бы верным применять его к определенным вещам, и ошибочно применять его к другим вещам. В некотором смысле, *должно* применять его к одним вещам, но не к другим. Поэтому, каким бы свойством ни было свойство-значение, оно должно обладать указанным нормативным смыслом. И некоторые

⁸ Я не предполагаю, что показать, каким образом наш язык композиционен, – это тривиальный вопрос. Так как на первой стадии трехступенчатого подхода, который я рекомендовал необходимо обнаружить, каким образом комплексные предложения составлены из некоторого запаса примитивных термов и операций; а эта синтаксическая задача далека от того, чтобы быть простой.

Отметим, что нет необходимости отождествлять эту задачу с задачей определения *логических форм* предложений. Она имеет такой характер в дэвидсонском «условие-истинностном» подходе из-за необходимости показать, что условия истинности любого предложения вытекают из референциальных свойств примитивов – которые и в самом деле могут быть показаны в случае предложений, которые могут быть переведены в исчисление предикатов. Но когда мы можем подорвать аргумент в пользу редуцирования значений к условиям истинности, больше нет никакого основания полагать, что семантическая структура должна быть логической формой. Тем не менее, необходимо, что логическая форма предложения определялась его значением; так как лишь в силу своего значения это предложение состоит в каких-либо логических отношениях к другим предложениям.

философы (в особенности Крипке⁹) предположили, что это ограничение может быть весьма строгим. Они полагают, что, может быть, невозможно обнаружить *какое-либо* натуралистическое (фактуальное) свойство, которое могло бы его удовлетворить.

Как мне кажется, это неправильно. Ибо признать, как мы это должны сделать, что значение обладает нормативными следствиями, не означает признать, что эти следствия являются *внутренними* – то есть, независимыми от каких-либо дальнейших допущений. Другими словами, мы можем признать нормативный смысл значения, предполагая, что существуют общие нормативные принципы, которые определяют нормативные следствия того, что означают слова, и что нормативные заключения могут быть выведены из посылок о значении, только если эти принципы также предполагаются. Мы можем предположить, например, что

x означает **собака**

имплицитует

x *должно* применяться к собакам,

лишь учитывая дополнительную посылку, что

Предикаты должны применяться к членам своего объема (то есть, к вещам, относительно которых они истинны).

Если это так, то у нас вообще нет основания полагать, что свойство-значение слова «собака» должно обладать некоторым *внутренним* нормативным характером, и заключать, что оно не может быть натуралистическим.

Существование общих принципов, приписывающих нормативный смысл ситуациям, которые характеризуются в ненормативных терминах, нам вполне знакомо. Вспомним об этике и эстетике. Конечно, в любом подобном случае может возникнуть вопрос, почему мы должны принимать данные принципы. Почему мы должны думать и действовать в этих, натуралистически характеризующих обстоятельствах, так, как предписывают эти принципы? В некоторых случаях мы можем обосновать эти принципы на основании более фундаментальных принципов; в других случаях – нет. Но мы не

⁹ См.: Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. – Oxford: Basil Blackwell, 1982.

вынуждены говорить, что корректность принципа основывается на том факте, что его характеристика antecedentных обстоятельств сама является скрыто нормативной.

В настоящем случае, мы можем объяснить, почему, с прагматической точки зрения, полезно обладать истинными убеждениями: более желательно получать то, что хочешь получить. Следовательно, постольку, поскольку обладание определенными убеждениями взаимосвязано с принятием определенных предложений (в силу их значений), полезно принимать некоторые предложения, но не другие. Таким образом, не трудно увидеть, откуда происходит норма применения предиката – по меньшей мере, при прагматическом истолковании. Если же нет – если кто-то считает, что, несмотря на практические следствия, должно верить в истину – то его общее нормативное допущение, вероятно, сложнее обосновать. Но, учитывая это допущение, мы легко можем видеть, почему значения будут обладать нормативными следствиями, и не будет необходимым предполагать что-либо о природе свойств-значений.

В ответ может быть аргументировано, что существуют нормы, отличные от норм говорения-истины, которые управляют употреблением языка, и что одна из этих других норм дает основание, согласно которому лингвистическое значение является нормативным. Но рассмотрим альтернативы. Во-первых, существуют нормы рациональности или обоснования. В этом смысле термина «должен» может быть так, что

x означает **собака** → x должен применяться к дружелюбным, волосатым, четырехногим животным, которые лизутся и лают.

Но вполне правдоподобно будет сказать, что эта нормативная импликация является следствием нормы говорения истины – рекомендации о том, как ее удовлетворить; следовательно, нормы обоснования не могут быть более внутренними, чем нормы истины.

Вторая возможность – аргументировать, что значение того, что мы делаем, является вопросом следующих определенных правил употребления, и что следование правилам *внутренне* включает в себя некоторый вид обязательств по соответствию этим правилам. Другими словами, значение того, что мы делаем при помощи слова «собака», имплицитно, что мы должны употреблять слово «собака» определенным образом – не ради истины или рациональности, но просто как необходимое условие обладания определенным значением. Суть тут предполагается не в том, что, так как значение – это следование правилу, то, если некто желает иметь в виду определенную вещь, он должен

следовать соответствующим правилам. Суть скорее в том, что само понятие «следование правилу R » влечет за собой, что всякий, кто поступает так, совершает некоторый вид ошибки, когда он поступает в разрез с определенным правилом несмотря на то, что он *должен* поступать сообразно с ним; поэтому он не может рассматриваться как подразумевающий свойство-значение **собака**, если на деле отсутствует определенная нормативная характеристика.

В ответ, однако, можно сказать, что только норма, автоматически ассоциирующаяся со следованием правилу, вытекает из того факта, что *следование* правилу влечет за собой некоторое *желание* выполнять его; поэтому в предположении, что кто-то должен выполнять некоторое правило, мы подразумеваем его интерес в удовлетворении этого желания. Если это так, то нормативный смысл значения объясняется следующим образом:

- S подразумевает F под w .
- \therefore S следует правилу R для употребления w .
- \therefore S хочет, чтобы его употребление w соответствовало R .
- \therefore Но S должен выполнить свои желания.
- \therefore Употребление S w должно соответствовать R .

И опять же мы не видим основания для того, чтобы предполагать, что значение является *внутренне* нормативным.

5. Употребление

Суть моего обсуждения до сих пор состояла в том, что философы сделали проблему значения излишне сложной для самих себя, навязывая различные неверные ограничения на ее адекватное решение. Я обсудил четыре псевдоограничения. Во-первых, неверно предполагать, что « x означает $*$ » выражает конституенту приписываний значения, которую можно проанализировать. Это – лингвистическая иллюзия. Во-вторых, неверно выводить из репрезентативной возможности языка, что свойства-значения должны быть отношениями между словами и сущностями, на которые эти слова указывают. Эта аргументация не уделяет внимания дефляционной теории истины. В-третьих, неверно предполагать, что композициональность значения должна быть включена в теорию значения при помощи, во-первых, формулировки унифицированного объяснения значения и, во-вторых, демонстрации при помощи субстантивных аргументов, что композициональность может быть

объяснена таким образом. Фактически же, теория значения может включать в себя композициональность автоматически, нам нужно лишь встроить ее в характеристику значений комплексных выражений. И, в четвертых, неверно выводиться из нормативного смысла свойств-значений, что они обладают внутренне нормативным характером. В действительности же, благодаря общим нормативным принципам (например, что должно соглашаться с истиной, удовлетворять желания и т. д.), то, что подразумевается, обладает следствиями относительно того, что должно говорить.

Когда эти псевдопроблемы устранены, мы готовы к пересмотру объяснений значения, которые были несправедливо отвергнуты за то, что якобы не удовлетворяли этим ограничениям. И я хотел бы закончить более позитивным моментом об одной такой теории: теории значения как употребления. Началом этому подходу послужило дополнительное ограничение: а именно, что адекватная теория должна быть способна объяснить отношение между значением слова и его употреблением. Более конкретно: тот факт, что кто-то подразумевает то, что он подразумевает под своими терминами, является частью того, что объясняет то, как он их употребляет; мы, опять же, можем вывести то, что кто-то подразумевает под своими терминами, из его лингвистического поведения; и удовлетворительное объяснение значения должно включать в себя эти факты.

Конечно, наиболее простое объяснения – сказать, что значение *является* употреблением – сказать, другими словами, что существует ряд свойств-употреблений (use properties) (то есть, способов употребления выражений, правил для употребления выражений), и отождествить эти свойства-употребления со значениями. В прошлом этот подход был обвинен в несоответствии реляционному, репрезентативному, композиционному и нормативному характеру значения. Но, как мы видели, эта критика не попадает в цель. Действительно, свойства-употребления, как правило, не соотносят слова с их референтами (и определенно не унифицированным образом); теория не выделяет, независимо от композиционности, какие из свойств комплексного выражения составляют значение этого выражения; и свойства-употребления не являются внутренне нормативными. Но ограничения реляционности, репрезентативности, композиционности и нормативности, все же, удовлетворяются. И так как эта теория также включает в себя ограничение употребления почти так же, как и что-либо другое, мне кажется, что теория значения как употребления заслуживает еще один шанс.

Не верно, что не существует большого количества вопросов, которые можно было бы поднять при формулировании и защите этой теории. Позвольте мне очень кратко перечислить то, что я считаю основными вопросами, и то, как, как я полагаю, они могут быть решены. Во-первых, *термины* в которых должны быть охарактеризованы свойства-употребления должны бы быть конкретизированы. В настоящее время, кажется ясным, что основное требование к этому таково, что должны быть запрещены *интенциональные* понятия: релевантные свойства-употребления должны быть охарактеризованы в физических, поведенческих и психологических терминах. Во-вторых, существует вопрос о том, какое из множества таких свойств некоторого данного слова должно быть отождествлено со значением этого слова. Естественный ответ, как мне представляется, заключается в том, что мы хотим получить свойство, которое было бы объяснительно базисным: то, которое лучше всего объясняет все другие свойства-употребления данного термина. Если мы понимаем его как правило или обобщение относительно употребления слова, то то, что мы выбираем, – это то, что дает наиболее простое объяснение всех индивидуальных употреблений слов. Тот факт, что вполне может и не быть такой вещи – но лишь ряд эквивалентно хороших выборов – является тем, что конституирует общепризнанную *неопределенность* значения. Но тот факт, что этот ряд эквивалентно хороших объяснений является конечным, показывает, что дистинкция между изменением значения и изменением убеждения может, все-таки, быть сохранена (хотя и с некоторыми пограничными случаями), и поэтому холизм не является следствием этой теории¹⁰. В-третьих, можно сомневаться в том, могут ли социальные аспекты и аспекты, связанные с окружающей средой, быть включены в теорию. Но это – проблема лишь для «концептуальных/инференциальных ролей» версий теории значения как употребления. Мы можем и, более того, мы должны позволить, чтобы характеристики употребления указывали на окружение говорящего и на лингвистическое поведение сообщества¹¹. Конечно,

¹⁰ Таким образом, я не согласен с Джерри Фодором и Эрнестом Лепором, которые доказывают, что теория значения как употребления неизбежно ведет к чрезмерному холизму. См.: Fodor J., Lepore E. Holism. – Oxford: Basil Blackwell, 1991.

¹¹ Данная работа фокусируется на нашей обычной концепции значений выражений в общих, общественных языках, таких как английский или испанский. Тем не менее, аргументация легко переносится и на Я-языки (в смысле Хомского). Также в этом контексте разумно предположить, что хорошее объяснение значения должно соответствовать ограничениям релевантности, репрезентативности, композиционности, нормативности и употребления; мы сходным образом склонны неправильно их истолковывать; но, когда мы понимаем их верно, они указывают нам направление теории значения как употребления. Основное различие между значениями Я-языка и значениями общественного языка, как мне кажется, заключа-

каждый из этих моментов требует конкретизации. Этот набросок предназначен лишь для того, чтобы дать грубое указание на тот вид теории значения, который направлен на то, чтобы удовлетворить наши ограничения, и который должен, следовательно, приниматься серьезнее, чем раньше.

Дефляционная концепция истины называется так за постулирования того, что требуется гораздо меньшая часть теории истины, чем раньше предполагалось. Она сообщает нам, что определенные традиционно понятые ограничения на то, какой должна быть хорошая теория истины, ошибочны, и что, когда они устранены, поиск хорошей теории становится простым; так как все, что наша теория должна включать, – это схема эквивалентности «Пропозиция, что p , истинна тогда и только тогда, когда p ». Таким образом, согласно дефляционизму, истинность пропозиции, что снег бел, состоит в бытии снега белым, истинность пропозиции, что врать нехорошо, состоит в бытии вранья нехорошим и так далее; не существует унифицированного анализа свойства *быть истинным*. Аналогично, теория значения как употребления становится правдоподобной только тогда, когда отброшены различные неправильно понятые условия адекватности – применяемые, в этом случае, к теориям значения. Последнее оставляет нас наедине с ограничением употребления, которое само по себе легко удовлетворить. Более того, согласно теории значения как употребления, несмотря на то, что существует субстантивное свойство, лежащее в основании выражения «снег бел», и другое субстантивное свойство, лежащее в основании выражения «врать нехорошо», и так далее, не существует никакого унифицированного анализа выражения « s означает, что p ». Таким образом, теория значения как употребления на самом деле является дефляционной. Более того, частично она обусловлена дефляционизмом относительно истины; так как, как мы видели, лишь с инфляционной точки зрения относительно истины было бы разумно предполагать субстантивный, реляционный анализ значения. Мы приходим, следовательно, к естественному и правдоподобному объединению идей, которое может быть названо «семантическим дефляционизмом» – что истина схватывается схемой эквивалентности и что значение слова – это его употребление.

ется в том, что значения Я-языка являются базисными регулятивами внутреннего употребления в концептуальной схеме индивида; тогда как значения общественного языка являются обозримыми, совместными паттернами лингвистического поведения.